

Секция «История»

«Что сказать Вам о племенах Кавказа?..». (Из истории формирования кавказофобии по материалам русской литературы первой половины XIX века)

Манышев Сергей Борисович

Студент

*Дагестанский государственный университет, исторический факультет,
Махачкала, Россия*

E-mail: sergeymanyshev@mail.ru

В последние годы наблюдается рост негативного отношения к выходцам с Кавказа. В лексикон российских обывателей вошли малоприятные эпитеты, которыми награждают этнических кавказцев – «лица кавказской национальности», «чурки», «черные» – это далеко не самые оскорбительные «термины». На мой взгляд, подобное отношение к выходцам с Кавказа порождено отнюдь не сегодня: корни его уходят в далекое прошлое, поэтому я попытался осмыслить художественные тексты русской классической литературы XIX в. в ключе формирования кавказофобских тенденций.

К «неизвестному» Кавказу обращали свой взор писатели и поэты, военные и ученые. Одни из них воспевали свободолюбивый Кавказ и его жителей, другие видели в нем лишь зону геополитических интересов, а в его жителях – хищников-головорезов.

В конце 1860-х гг. П. Услар писал: «В эпоху романтизма, и природа и люди на Кавказе были непонятны. Нельзя было фантазировать насчет природы, – тотчас нашлись бы ученые, которые уличили бы в несообразностях. Но ничто не мешало фантазировать сколько душе угодно, насчет людей. Горцы не читают русских книг и не пишут на них опровержений. Горцы, которые в те блаженные времена учились чему-нибудь и как-нибудь в Петербурге, – сами всячески подделывались под Аммалат-Беков, Казбичей и т.п. В таком маскарадном виде только и могли они казаться интересными для русской публики, – иначе что же могло быть интересного в этих недоучившихся кадетах?» (У[слар], 1868. С. 4-5).

Свою лепту в формирование пристрастного и малообъективного образа Кавказа внесли, конечно же, писатели и поэты. Часто образ разбойников они излишне романтизировали и преподносили публике в виде благородных героев. Стоит только вспомнить Аммалат-Бека в одноименной повести А. Бестужева-Марлинского. Аммалат уже с первых страниц предстает перед нами неким кавказским франтом, одетым по последней моде: «Он был одет в черную персидскую чуху, обложенную галунами; висячие рукава закидывались за плечи. Турецкая шаль обвивала под исподом надетый архалук из букетовой термаламы. Красные шальвары скрывались в верховые желтые сапоги с высокими каблуками. Ружье, кинжал и пистолет его блистали серебром и золотом насечкою. Ручка сабли осыпана была дорогими камнями» (Бестужев-Марлинский, [1832] 1968. С. 5).

Одним из тех, кто первым понял излишнюю надуманность и гипертрофированность «кавказской» прозы Бестужева-Марлинского был В. Белинский. Он в своей рецензии писал: «Конечно, в них (кавказских повестях–С.М.) – особенно в «Аммалат-Беке» – есть удачные страницы, хотя и в слишком ограниченном количестве, есть превосходные стихи – переводы черкесских песен; но целое так натянуто, так перетянута и в

изобретении, и в изложении, что впечатление, производимое на душу читателя, очень походит на давление кошмара» (Белинский, [1840] 1948. С. 547).

Удивительно, но все тот же Бестужев-Марлинский в письме к доктору Эрману писал: «Что сказать вам о племенах Кавказа? О них так много вздоров говорили путешественники и так мало знают их соседи – русские» (Бестужев-Марлинский, 1831. С. 55). Наверное, из этого следует сделать вывод, что люди и их быт, описанные Бестужевым-Марлинским, были для него реальными, он действительно видел (или хотел видеть) «племена Кавказа» именно такими.

Именно «изобретенные» образы оказывали наибольшее влияние на русскую общественность XIX в. Общественное мнение складывалось исключительно согласно официальной доктрине, пропагандируемой в цензурируемых научных сочинениях, или же согласно буйному воображению того или иного писателя (поэта).

Не менее маргинальный образ Кавказа создается по прочтении стихотворения А. Полежаева «Тарки»: «Я был в горах – / Какая радость! / Я был в Тарках – / Какая гадость! / Скажу не в смех: / Аул шамхала / На русский хлев / Похож не мало. / ... / Нечист внутри, / Нечист снаружи. / ... / И наконец, / Всему вдобавок, / Вверху дворец / Преавантажный / И двухэтажный, / Где князь шамхал / Сидит и судит, / И бьет и блудит / Всех наповал. / ... / Счастливый муж / По царству ходит / И юных дев / И в стыд и в гнев / Нередко вводит / ... /» (Полежаев, [1831] 1957. С. 80).

Сформированное еще в XIX в. мнение о том, что дикость горцев нельзя укротить мирным путем, а с ней можно только бороться силовыми методами, находит отклик и в современной России. Негативное отношение к «лицам кавказской национальности» сегодня, на мой взгляд, во многом порождено именно тем понятийным аппаратом и теми стереотипами, которые использовали имперские историки, писатели и военные XIX в. И сегодня в общественном сознании все еще господствуют лермонтовские строки: «И дики тех ущелий племена, / Им бог – свобода, их закон – война; / Они растут среди разбоев тайных, / Жестоких дел и дел необычайных. / Там в колыбели песни матерей / Пугают русским именем детей; / Там поразить врага не преступленье; / Верна там дружба, но вернее мщенье; / Там за добро – добро, и кровь – за кровь, / И ненависть безмерна, как любовь» (Лермонтов, [1832] 1988. С. 323-324).

Литература

1. Белинский В. Г. ([1840]1948) Полное собрание сочинений А. Марлинского // Он же. Собр. соч. в 3 т. Т.1: Статьи и рецензии 1834–1841 гг. / Ред. М. Поляков. – М.
2. Бестужев-Марлинский А. (1831) Письмо к доктору Эрману // Московский телеграф. Часть 41. № 17.
3. Бестужев-Марлинский А. ([1832] 1968) Аммалат-Бек // Он же. Аммалат-Бек. Мулла-Нур. – Махачкала.
4. Полежаев А. ([1831] 1957) Тарки // Он же. Стихотворения и поэмы. – М.
5. Лермонтов М. ([1832]1988) Измаил-Бей. // Он же. Собр. соч. в 2 т. Т. 1. – М.
6. У[слар] П. (1868) Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. – Тифлис.